

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Идеалы «Дня» по «Современной Летописи»

«Нельзя не признать за нашим новейшим временем, и именно у нас в России, той замечательной особенностью, что оно вызвало и продолжает вызывать каждого на поверку своих личных политических убеждений. Мы разумеем здесь, конечно, только образованные русские классы. Пробавляться, как прежде, смутными политическими вожделениями, с тайным сознанием, внутри себя, их несбыточности или несвоевременности – становится уже невозможным или по крайней мере непривлекательным и неудобным...»

Иван Сергеевич Аксаков
Идеалы «Дня» по
«Современной Летописи»

Нельзя не признать за нашим новейшим временем, и именно у нас в России, той замечательной особенности, что оно вызвало и продолжает вызывать каждого на поверку своих личных политических убеждений. Мы разумеем здесь, конечно, только образованные русские классы. Пробавляться, как прежде, смутными политическими вождедениями, с тайным сознанием, внутри себя, их несбыточности или несвоевременности – становится уже невозможным или по крайней мере непривлекательным и неудобным. Приходится волей-неволей определять не только свою точку зрения, более или менее теоретическую, но даже и «точку стояния», Standpunkt, как выражаются немцы: то есть где стоишь, с кем стоишь и за что стоишь? Обстоятельства побуждают к точному и неуклонному ответу; предъявляется запрос на определенное, какое бы то ни было, политическое вероисповедание, на положительный символ политической веры. Может быть, мы несколько преувеличиваем, то есть придаем ту важность этому явлению, которой оно в настоящее время еще не имеет – по

крайней мере не в такой степени: все это очень может быть, но во всяком случае таков неминуемо должен быть логический ход отвлеченного сознания той нашей среды, которая называется обществом и которая, живя своею отдельною жизнью, доходит в своем развитии до многих теоретических вопросов, которые ставит и решает себе совершенно независимо от их практической своевременности. Нередко: В столицах шум. Гремят витии. Кипит бумажная война. Что ж там во глубине России? Что там?.. Немая тишина...

Тем не менее раз начавшаяся, хотя бы и отвлеченная жизнь нашего общественного сознания должна совершить свой круг вполне, и потому мы можем только радоваться, что в ней возникает запрос на большую отчетливость и определительность убеждений. Остается желать, чтобы печать наша была скорее поставлена в те условия, при которых не было бы места недомолвкам, двусмысленностям, намекам и неизбежным от того недоразумениям.

Но едва ли к недоразумению можем мы отнести статью неизвестного автора, за подпи-

сю: «Провинциальный читатель», в 8-м номере «Современной Летописи» или воскресных прибавлений к «Московским Ведомостям», под заглавием: «Идеалы газеты „День“». Мы очень благодарны автору за попытку разъяснить наши, или, как он выражается, славянофильские идеалы; мы готовы были бы как ему, так и каждому помочь в этом близком нам деле; мы были бы не прочь и от самой обстоятельной полемики по интересующему г. «Провинциального читателя» вопросу, если бы, с одной стороны, эта обстоятельность была вполне доступна как нам, так и нашим оппонентам, а с другой, если бы почтенный г. Читатель обнаруживал более умения читать и понимать читаемое. «Ужели слово найдено?» – восклицает он стихом из Онегина в начале своего исследования о наших «идеалах» и потом, вырвав два или три выражения из передовой статьи 6 N «Дня», заканчивает следующим полновесным выводом: «Славянофильские теоризирования „Дня“, – говорит он, – в которых нет никакого смысла, могут вести только к „демократическому царизму, который призывал бы Госуда-

ря деспотически властвовать над приниженной массой», о чем говорится в статье газеты „Le Nord“, переведенной в „Русском Инвалиде“, и в передовой статье 30-го N „Московских Ведомостей“»... «Не это ли, – восклицает он в заключение и в ответ своему эпиграфу из Онегина, – не это ли, вместе с поземельною общиной, составляет государственный и общественный идеал газеты „День“, и не добрались ли мы до положительного смысла ее общих мест и намеков?». Итак, слово найдено: наш государственный и общественный идеал – демократический царизм, деспотизм и приниженная масса. Обвинение капитальное! Гордый такую находкою, поразив наповал славянофилов, автор сам удерживает за собою выгодную позицию благородно-негодующего либерала. И конечно, есть от чего придти в негодование!

Посудите сами: приниженная масса!! Ведь это значит: бесправная, безгласная, порабощенная, униженная народная масса... Вот чего добивается для народа «День» и против чего восстает, по-видимому, народолюбивый автор! Каким же образом этот самый «День»,

мечтающий о принижении народной массы, называется в то же время и в той же статье демократически социальным журналом, – это противоречие остается не объясненным, но не в этом дело. Возвышенный либерализм автора, принимающего под свою защиту народ, который мы, напротив, хотим будто принизить, достоин искреннего сочувствия, и прежде всего со стороны тех, которые стоят за права и свободу народной жизни, то есть славянофилов; но помедлим немного с славянофильским сочувствием и поищем у автора более существенных примет его либерализма. Либерал-то он либерал, но посмотрим поближе – какого сорта. Сорта известного, читатель, и вам, вероятно, знакомого: вы сейчас же узнаете его по следующим приметам, несмотря на все старание автора замаскироваться. Он, народолюбивый автор, явный противник коренного народного учреждения – поземельной общины; он называет дворянскую грамоту Екатерины II «великолепным памятником законодательства», под сению которого, между прочим, «Россия прожила славнейшее доселе время своей исторической жизни»; далее

идут: тонкий намек на «аграрные законы», вместе с известными выходками против «бюрократии и ее нивеллаторских инстинктов», – и презрительное выражение «о каких-то потерянных основах народной жизни, которых надобно искать в мирской сходке!».

Все это очень явно дает нам уразуметь, с какого сорта либералом мы имеем дело. Точь-в-точь таким же либеральным костюмом, с такими же нападениями на бюрократию и с таким же восхвалением дворянской грамоты или аристократического принципа прикрываются и теории «Московских Ведомостей» об обезземелении крестьян и о сосредоточении поземельной собственности у крупных землевладельцев, вместе с предоставлением им, в качестве образованных людей, права наказывать крестьян розгами («Московские Ведомости», N 161, 1864 г.). В таком же вкусе и либерализм гг. Бланков, Ржевского и прочих многочисленных адептов почтенной газеты. Это либерализм, зиждущийся на обезземелении крестьян! Вот он – идеал, к которому влекутся эти поборники свободы, эти благородные противники бюрократизма, а в сущности – самые

усердные защитники и «столпы» бюрократии! В самом деле эти господа как бы усвоили себе в виде неперемнной принадлежности их либеральных теорий – нападки на бюрократию. Такое положение очень выгодно, потому что самым дешевым способом дает возможность прослыть либералами. Где нападают на бюрократию – там уже непременно, значит, пахнет либерализмом! Ведь восставать против бюрократизма – это значит стоять за права органической жизни? А стоять за права жизни... да кто же может опорочить такое знамя?!..

Оставляя покуда в стороне речь о наших собственно идеалах, постараемся снять маску с наших противников и показать, что в сущности они и бюрократы – одного поля ягода, служители одного и того же начала, и что «демократствующий царизм с деспотическим властвованием над приниженной массой» есть, конечно, не цель и не идеал (мы будем добросовестнее наших противников) – но неперемнный результат их либеральных стремлений.

Что такое бюрократизм в обширном смыс-

ле слова? Это преобладание государственного начала над жизнью, это притязание заметить новые силы народного организма искусственным механизмом администрации; это господство теории или теоретической благонамеренности, опирающейся на власть и понимающей жизнь как послушный материал, как *tabula rasa*, как белую бумагу, на которой можно начертить что угодно усердным резцом администрации. Естественное стремление бюрократизма – подавить всякую органическую силу в жизни, стереть всякую индивидуальную особенность быта, даже самую народность, во сколько она самостоятельна и своеобразна и потому мешает бюрократии достигать сочиненного ею за жизнь идеала, – одним словом: сломить и сокрушить все живое, упорное, сопротивляющееся или неудобоподчинимое. Если бы могло ей удалиться обезнародить народ – торжество бюрократии было бы полное: она подчинила бы регламенту всякую личную свободу. Но такие стремления – обезнародить народ – редко удаются и встречают сопротивление большею частью именно в народных массах, в их бытовых ос-

новах и коренных учреждениях, – куда, в такие печальные години, замыкается, как в зерне, народная органическая сила, выжидая благоприятного времени для своего обновления и дальнейшего развития. Высшие классы народа большею частью склоняются пред таким напором государственного начала и разрывают связь с своею народностью, пока, благодаря упорному сохранению народом своих народных начал, не возникнет и между ними народного самосознания, – сначала отвлеченного, потом являющегося уже как просвещенная сила, на помощь живым, уберегшимся народным органическим силам. Вот что представляет нам история австрийского бюрократизма по отношению к славянским племенам Австрийской империи.

В России торжество бюрократизма начинается для нас с Петра I, с того знаменитого переворота, к числу поклонников которого принадлежат именно наши противники! Они в наивности своей и не подозревают, что поклонение Петру есть поклонение тому самому началу, на которое они теперь, с такою простодушною яростью, нападают! Они, изде-

ваясь над толками славянофилов о народности, над их уважением к «потерянным основам народной жизни, которых надобно искать в мирской сходке», не понимают или не хотят понять, что издеваются над *тем*, в чем именно и хранится упорная народная органическая сущность, – та сущность, которая одна в состоянии сдерживать преобладание бюрократизма, в чем спасается свобода народной жизни! Когда настал Петровский переворот, дворянство приняло его сторону, – а на стороне органической, хотя и утесненной жизни, на стороне прав народной личности, ее бытовой и духовной самостоятельности и своеобразности, – стоял один, бедный и крепче чем когда-либо закрепощенный великим преобразователем, простой народ. Конечно, и в дворянском классе почти вслед за реформой начали раздаваться отдельные, одиночные голоса (преимущественно в науке и литературе) за свободу народной жизни и ее развития; затем стала возникать та работа народного самосознания, которая в наше время и в нашем обществе выразилась в славянофильстве; но наши либералы-поклонники Петров-

ского переворота – они-то именно и являлись всегда ожесточенными противниками славянофилов, то есть противниками противников петровского насилия и водворенного им преобладания государственного начала над жизнью.

Любопытнее всего то, что для этих либералов бюрократия начинается, по-видимому, уже в позднейшее время, именно с освобождения крестьян и наделения их землею! «Славнейшее доселе время русской исторической жизни» автор статьи «Современной Летописи» видит именно в 70-летнем периоде существования дворянской грамоты – ни больше, ни меньше. В чем же полагает он эту славу, которой, по его мнению, ничего подобного не представляют остальные 930 лет исторического бытия России? В успехах русского оружия, с одной стороны, в бесправности, в безгласности, в крепостном рабстве десятков миллионов народа – с другой? Или в доблестных деяниях того сословия, которому дан был этот «великолепный памятник» законодательства, о нем же с такою любовью говорит автор? Но в чем же выразились эти доблест-

ные деяния, — кроме известной патриотической готовности жертвовать жизнью и достоинством за государство, ввиду внешней опасности, и отдать даже десятого человека из крепостных крестьян в рекруты? Как воспользовалось это сословие великолепным памятником законодательства, чтобы ослаблять вторжение бюрократического начала в жизнь и положить преграды стремлению иностранцев обезнародить, очужеземить русское общество, нравственно и духовно, лишить его нравственной и духовной связи с народностью, одним словом, отнять у него то, в чем только и заключается органическая единственная жизненная самостоятельная сила? Не они ли сами усердно изменяли своей народности, не они ли отрекались от народных начал? Мечтая о политической свободе в западной форме, не они ли искали возможности подавить бытовую свободу народа? Оравторствуя о правах личности, не они ли постоянно посягали на личность народную? Кто посильно стоял за народность, за права жизни, за самостоятельность народного развития, следовательно, за права и свободу народ-

ной личности, за органический принцип против бюрократического механизма? Кто, как не так называемые славянофилы! Кто стоял на противоположной стороне? Кто, как не они – поклонники Петровского переворота и великолепных памятников законодательства Екатерины, либералы то ж, по иноземному образцу! Кто, наконец, принял самое деятельное участие в освобождении 20 миллионов крестьян, когда оно было предпринято правительством, горячо отстаивал и отстаивает, в литературе, наделение крестьян землею? Кто же, как не те же славянофилы? Мы не хотим этим сказать, что противники наши не сочувствовали прекращению крепостного права и не принимали в этом деле, с своей стороны, искреннего и деятельного участия, но что наделение крестьян землею не пользуется их полным сочувствием – это не подлежит сомнению. Оно-то и составляет главный повод к их жалобам на бюрократию (вот когда спохватились!). Что же предлагают они, какое именно средство для того, чтобы поразить бюрократию в самое сердце?.. Обезземелить крестьян и разрушить сельскую поземельную

общину, то есть подорвать окончательно всякую живую упорную силу в народе, последнее убежище его органической крепости, – все, что в нем есть способного сопротивляться их – из чужой жизни заимствованным нововведениям, все, в чем еще хранится народная самость, и обратить народ в *tabula rasa*, в такой послушный материал, о котором едва ли мечтал и сам Петр Великий и который есть именно искомый идеал бюрократии. Что если б таким либералам да еще власть в руки?! Страшно и подумать о том, куда бы они привели Россию с своим либерализмом, выросшим на сочувствии к петровскому насильственному перевороту, – с либерализмом, первое слово которого: избавиться от пут органической народной жизни, еще сковывающей произвол их преобразовательных покушений, – обезземелить крестьян, разрушить поземельную общину и именно создать бесильную, бездомную, «приниженную массу», раболепствующую пред землевладельческой аристократией! Спрашиваем всякого сколько-нибудь добросовестного читателя: кто желает создать в России приниженную массу:

мы ли, отстаивающие народность, права народного самостоятельного развития, народную поземельную общину и принцип наделения крестьян землею, следовательно, ратующие за силу и свободу органической жизни, — или же эти господа, под маскою либерализма и нападок на бюрократию, проповедующие обезземеление крестьян, разрушение поземельной общины и насилдование народной жизни чрез введение у нас (и не иначе как бюрократическим способом) аристократии на фасон чужеземный?

Но этого мало. Если что может проложить в России путь к осуществлению тех чудовищных «идеалов», которые автор статьи, помещенной в «Современной Летописи», навязывает «Дню», так это именно теория самого автора, а также и той газеты, которой он явился сотрудником. Для выражения этих «идеалов» автор прибегает к статье газеты «Le Nord», перепечатанной в «Северной Почте» и «Русском Инвалиде» и справедливо заклеившей эти идеалы названием «демократического царизма, который призывал бы Государя деспотически властвовать над приниженною мас-

сой». Мы никогда не стояли за «демократию» и «демократизм» в западном смысле этого слова, но всегда за «народ» и «народность». Указывая именно на то, что народность, к сожалению, сохранилась у нас только в простонародье, мы именно же и проповедовали необходимость проникнуться элементом народности – всем классам общества без различия, и восстановить расколотую теперь цельность народного организма. В русском народе нет никаких основ ни демократизма, ни аристократизма в западном смысле, то есть в смысле начал, возводимых на степень политических принципов, облакаемых государственною, принудительною властью. Он не одержим политическим властолюбием, и во столько же противны ему господство простонародных масс, во сколько чуждо ему и преобладание боярское.

Он не терпит ни демократической, ни аристократической олигархии и, ставя идеалом своим единство и цельность народного духа, допускает затем всевозможное жизненное разнообразие социальных и личных форм, положений, состояний, племенных индиви-

дуальностей и т. п., – одним словом, допускает многое такое, что неминуемо должно исчезнуть или стереться в одну сплошную безразличную массу при том идеале «единства и цельности», о котором мечтают «Московские Ведомости».

Итак, в русском народе нет тех демократических инстинктов, которые грозят такою страшною опасностью Западу и которые привели Францию к цезаризму, – но их нет – потому что нет и аристократизма и поколе его еще нет... Те же, которые мечтают о создании в России политической и землевладельческой аристократической силы (вместе с обезземелением крестьян и разрушением поземельной общины), сами того не смысля, мечтают о насильственном возбуждении в русском народе демократических инстинктов, о создании страшной демократической стихии, дикой, свирепой, мстительной, естественно враждебной как аристократии, так и всему тому, что служит ей орудием или атрибутом, между прочим и просвещению. А так как эта стихия, по численности простонародных масс, будет несравненно могущественнее ари-

стократического меньшинства и так как, с другой стороны, государственная власть, по самой натуре своей, не может действовать в видах этого меньшинства, – то опасность, которая должна произойти от такого сочетания интересов кажется очевидна. Логический ясный вывод тот, что всякая попытка создать в России аристократию и аристократическое политическое преобладание, грозя свободе народной (особенно же при заранее обещаемом обезземелении крестьян!), способствует возбуждению в России демократических и демагогических инстинктов и созданию необузданной демократической силы; эта же сила именно, в конце концов, и приводит «к демократическому царизму и к деспотическому властвованию над массой», по необходимости принизившейся пред верховною властью – как спасительницею своею от ненавистной, обезземеливающей, аристократической олигархии!.. Такого результата не желаем, конечно, ни мы, ни сами наши близорукые противники, но такой результат – логически необходимый при учении наших противников – немислим при восстановлении ду-

ховной цельности народного организма, при укреплении и развитии нашей народной самости и, главное – при уничтожении, наконец, того отчуждения от народности, которое еще продолжает жить в высших образованных классах, той вредной разрозненности народа и общества, которую так настойчиво заботятся устранить славянофилы и газета «День».

Что же касается до самых идеалов нашей газеты, то мы не находим уместным пускаться теперь для г. «Провинциального читателя» в их подробное разъяснение. Желающих ознакомиться с нашим взглядом несколько поближе, отсылаем как к передовой статье 6-го номера, так и к прочим нашим передовым статьям, в том числе и 8-го номера – о челобитных...

Еще два слова и мы кончим. Автор говорит, что «из мнений почти всякого направления, существующего в области русской интеллигенции, можно вывести заключение о том, в каком виде представляется последователям этого направления будущее устройство России. Только из направления газеты „День“

нельзя никому вывести такое заключение... не встречаем ни одного рецепта!», – восклицает он. Действительно, не встречает и не встретит. Мы слишком уважаем свободу жизни и не позволяем себе сочинять за нее то или другое устройство, которое могло бы иметь цену только при свободном органическом творчестве самой жизни. Мы не имеем притязания писать за нее рецепты, по которым бюрократическая власть могла бы давать ей ту или другую форму, в угоду нашей теории и направлению. Рецепты – принадлежность бюрократического деспотизма и либералов той школы, к которой принадлежит г. автор статьи вместе с гг. Заочными, Бланками, Ржевскими и прочими сотрудниками «Современной Летописи» и «Московских Ведомостей».